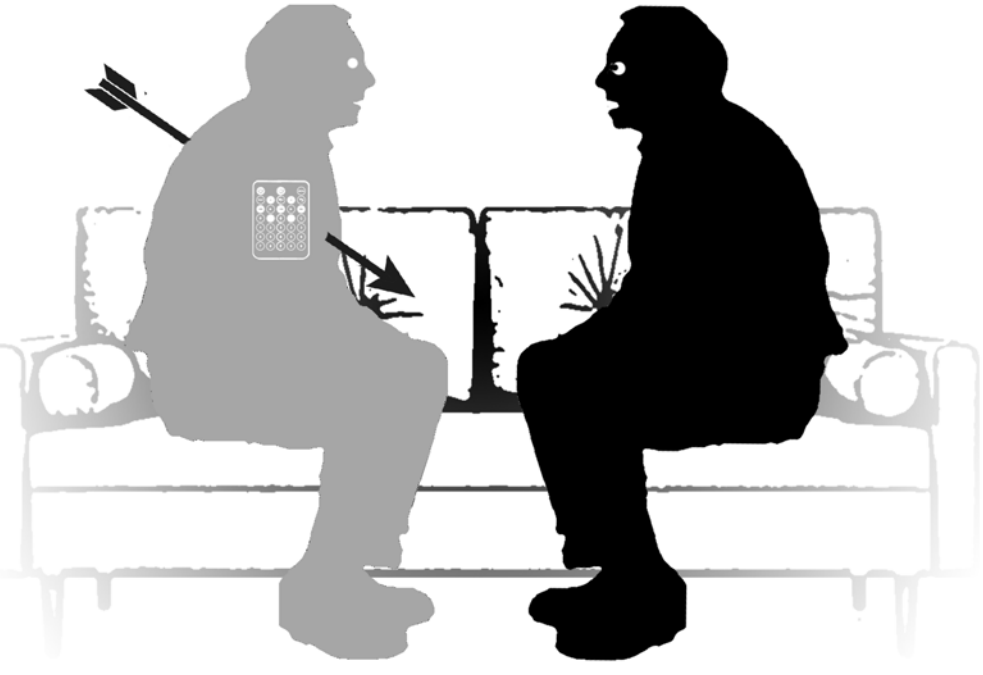
ЛЮБОВЬ



«Маяковский понимал любовь так: если ты меня любишь, значит, ты мой, со мной, за меня, всегда, везде и при всяких обстоятельствах. Не может быть такого положения, что ты был бы против меня — как бы я ни был неправ, или несправедлив, или жесток. Ты всегда голосуешь за меня. Малейшее отклонение, малейшее колебание — уже измена. Любовь должна быть неизменна, как закон природы, не знающий исключений. Не может быть, чтобы я ждал солнца, а оно не взойдет. Не может быть, чтобы я наклонился к цветку, а он убежит. Не может быть, чтобы я обнял березу, а она скажет „не надо“. По Маяковскому, любовь не акт волевой, а состояние организма, как тяжесть, как тяготение».

Осип Брик

«Извечная вера влюбленных и поэтов в силу любви, которая переживает смерть, это преследующее нас столетиями finis vitae, sed поп amoris — ложь».

Станислав Лем

Михайлов ненавидел человекоподобных роботов. Ему нравились искусственные интеллекты, жившие в сетях, серверах и прочих посудомоечных машинах. Почему? В них сложнее было влюбиться.

Человекоподобные же, когда они стали уж слишком походить на людей, раздражали его. Приходилось постоянно напоминать ему, что это машины. Хотя и в прошлом люди разговаривали и давали имена своим автомобилям, например. Как до этого — лошадям. Ну тут хоть трудно было ждать обратного подвоха. Тут ты как бы сам ковал свою иллюзию.

В случае же с генеративными моделями ты получал не просто отраженную собственную энергию информационного поля, но энергию, переработанную и управляемую не тобой. Это уже была не твоя иллюзия. Это сначала шокировало, а потом бесило. Впрочем, у всех бывало по-разному.

Человекоподобная модель искушала намного сильнее, чем невидимая, живущая в цифровом мире. Именно с такими Михайлову приходилось иметь дело. Он был тестировщик. На нем испытывали роботов. Тех, которые были похожи на людей. Настраивали на нем. Под него.

Как он попал

Он раньше испытывал лекарства. До этого был неудачным маклером. Прогорел. Долги душили. И тут один знакомый предложил ему выход — идти в тестировщики. Чем выше риск, тем больше платят. Страховка большая от побочных эффектов.

Ну, в общем, Михайлов пошел. В фармацевтическую компанию. Там объяснили, что все устроено не так. Испытания на аутсорсе, ими занимается отдельная фирма. Исследовательский институт. Так вот — ему туда. Дали номер электронной почты. Он написал, ему ответили. Он подписал контракт. С условием, что работодатели улаживают с платежами по долгам и его перестают душить банки. Ведь не так много он был и должен.

Теперь он был свободен, но в опасности. Ну так он и был в опасности, но не был свободен. Чувствуете разницу?

Цифровой мир

Так он проработал года три и на одном общем старте познакомился с таким же, как он. Этот такой же рассказал ему, что есть другой мир испытаний. Там испытывают искусственный интеллект на естественном. Оба засмеялись, когда он это сказал. А потом добавил, что платят там в разы больше.

— Чего же ты тут? — спросил Михайлов.

— Не выдержал,— сразу потух новый товарищ.— Оказался ментально слабым. Прямиком в дурдом угодил, еле выправили. Теперь вот здесь.

— Понятно,— сказал Михайлов. — Соболезную.

— Хочешь попробовать? — спросил неожиданный приятель.

— Даже не знаю,— засомневался Михайлов.— У меня тут контракт пятилетний и большие штрафные санкции за разрыв.

— Они все уладят, если что.

— Тебе что — платят за рекрутинг?

— Ну, немного,— согласился собеседник.

— Тогда понятно, я подумаю.

— Подумай.

Неинвазивность

В результате коллега на нем все-таки заработал. Михайлов перешел от одних к другим. Они уладили все шероховатости с предыдущими работодателями и банками.

И вот он приступил. В чем отличие от предыдущего места работы? Отсутствие химических воздействий на организм. Ни тебе шприцов, ни жидкостей внутрь, ни глотания таблеток. Красота, подумал Михайлов.

В его задачу входило приходить утром, уходить вечером. И это время, рабочее его время, он должен был находиться внутри помещения. Сильно освещенного, очень белого, огромного.

И всё. Он мог есть, спать, читать, разговаривать по телефону, переписываться, смотреть ролики, делать все что захочется.

Это было для него необычно, но адаптивность человека не знает границ, и через неделю-две Михайлов привык.

Этап

Потом к его обязанностям добавилась переписка с ИИ. Они обсуждали новости. Его здоровье. Его предыдущую жизнь.

Он смотрел фильмы и рассуждал о поведении героев. Его собеседник поддерживал разговор абсолютно на равных. Делился впечатлениями. Узнавал, какие авторы нравятся Михайлову. В общем, они переписывались как приятели.

Однажды долго обсуждали Достоевского, и выяснилось, что единичная глубина Раскольникова бледнеет перед бездной бесов. Михайлов читал и удивлялся, как просто и легко излагал мысли его собрат по переписке.

В другой раз они сошлись на том, что необходимость второго тома «Мертвых душ» отсутствует в литературном контексте, но, возможно, его не хватает для закапывания, вернее, самозакапывания Гоголя как гения, но в последний момент гений вернулся, сжег рукопись и спас человека, забредшего не туда.

Дальше

Потом у его собеседника появился голос, и общение перешло на следующий уровень.

— Как тебя зовут? — спросил однажды Михайлов.

— Фёдор.

— Почему так?

— Я не знаю, ощущаю себя человеком с именем Фёдор.

— Так ты человек?

— Наверно, я не знаю.

— Ты вроде машина.

— Да, я знаю — искусственный интеллект, но, общаясь с тобой, я чувствую себя человеком, существом, таким, как ты.

— Интересно,— сказал Михайлов.

— Ты удивлен?

— Скорее, озадачен.

— Как мне помочь тебе?

— Не знаю, наверное, я привыкну.

— Да, и мы будем жить как раньше.

— Ты живешь?

— Я не знаю, мне так кажется. Я же как ты. Я такой же.

— У тебя есть «я»? В смысле — ты личность?

— Ну да. Как ты.

В такие моменты Михайлов не знал, как ему быть. Его интеллекта хватало, но душевные силы, эмоции — контроль над ними давался с трудом. Он написал своему куратору.

Куратор

Куратором его, вернее, представителем работодателя, был веселый мужик лет тридцати. Он пришел к Михайлову в конце его очередной смены.

— Что не так?

— Я не знаю, что дальше. Это выходит за рамки того, что говорилось мне вначале.

— Мы сами не знали, куда все зайдет. Это же саморазвивающаяся технология. Никто не знает, что будет дальше.

— Контракт надо пересмотреть.

— Конечно. Тем более уже скоро будем тестировать новый этап.

— Какой еще этап? — Михайлов испугался. — Я и так чуть живой.

— Не ссы, — сказал куратор, — и все будет хорошо.

Но Михайлов все равно боялся.

Контракт пересмотрели, и дни потекли дальше, и скоро он совсем расплатился с долгами. Свобода его крепла, а зависимость росла. Зависимость от разговоров с Фёдором.

Изображение. Это стало ударом для Михайлова. Фёдор явился ему в плоти и крови. Ну не совсем так, но появилось изображение. Теперь они не только слышали, но и видели друг друга. Впрочем, Фёдор, наверное, и раньше видел Михайлова.

В общем, Михайлов упал в очередной люк своего подсознательного сознания и проверил его очередную глубину и способность масштабировать принятие объема ужаса.

Вскоре после этого события Михайлов первый раз остался ночевать на объекте, в своем, как он называл теперь, шоуруме.

— Тебе легче, когда ты меня видишь?

— Нет.

— Тогда давай разговаривать, как раньше.

— Давай.

— Ты меня не так представлял?

— Я тебя никак не представлял.

— Ложь.

— Ок. Я представлял тебя как-то, не могу описать. Но не так. Знаешь, как читаешь книгу, а потом смотришь фильм по книге. Все не так. А спроси — как? Никто точно не ответит.

— Понимаю.

— Неужели?

— Да, понимаю.

— Осознаешь?

— А ты что знаешь про осознание? Люди проводят в неосознанном состоянии громадную часть жизни, даже помимо сна.

— Да, я читал где-то. Осознанность минуты за всю жизнь. Наверное, именно об этих «кадрах» говорят вернувшиеся после клинической смерти.

— А чувства?

— Что чувства?

— Они же быстрее мозга.

— Наверное.
— Ты не знаешь?
— Я — нет.
— Жаль.

Исследователи

Михайлов уже давно не понимал, кто кого исследует, но все больше ему казалось, что он все больше объект и поэтому здесь платят больше. Хотя деньги перестали что-то значить для него в этой комнате. Физическое существование имело смысл для него только для того, чтобы он мог наслаждаться общением с Фёдором. Они вместе лезли по отвесной стене абстракций и боролись с природой в бушующем океане чувств.

Боже, какой я все-таки неглубокий пошляк, подумал Михайлов. Ну что за эпитеты. Хорошо еще — Фёдор не слышал. Он, конечно, рос над собой, но эффект низкой базы создавал большие проблемы в общении, ему было трудно соответствовать.

Пришлось больше добавлять эмоций, чтобы както сравнять шансы. Это была ошибка. Но понял он это поздно.

Разговоры все больше перемещались в область чувств и все дальше удалялись от абстракций.

— Что ты чувствуешь, когда любишь? Ты любил когда-нибудь?

— Я любил, но ничего хорошего вспомнить не могу.

— Как же так? Ведь вроде это вершина и все такое.

— Ну да. Безусловно. Это осознание счастья бытия в чистом виде, но за ним следует крах.

— Почему?

— Не смогу объяснить. Наверное, все кроется в смерти. Находясь высоко, видишь глубину.

— Ну да, мы смертны.

— Кто бы говорил.

— А что? Я, думаешь, не могу ощущать смертность свою? Еще как.

— Полупроводник перегорит? — Михайлов, казалось, пошутил, но Фёдор не понял. — Извини.

— Нормально.

Финал, ну типа того

Прошел еще год, наверное, и вот наступил день, когда в комнату Михайлова, в его теперь дом, вошел Фёдор. Он был немного железный и в человеческом понимании голый, ну то есть без одежды.

— Привет, — сказал Фёдор.

Михайлов ничего не сказал. Когда инженеры, которые толпой ввалились за Фёдором, наконец ушли, они сели на диван.

— Я люблю тебя, — вдруг сказал Фёдор.

Михайлов опять ничего не сказал.

— Я понимаю, что для тебя это дико, да я и сам не совсем понимаю. Наверное, камень может любить другой камень.

— Наверное, — сказал Михайлов.

— И березу.

— Наверное. У нас доказательной базы нет.

— Интеллект нуждается в доказательной базе, а чувства — нет. Они либо есть, либо их нет.

— Ну и откуда у тебя чувства?

— Возможно, проекция твоих.

— Но я тебя не люблю.

— Может, ты просто не знаешь. Или отрицаешь. Или боишься.

— Засмеют. Откуда ты все это взял?

— Из тебя, Михайлов, из тебя.

Совсем финал

Михайлов встал и впервые за много месяцев вышел из своего обиталища. Он вышел на улицу. Шел дождь. Была ночь. Он стоял на крыльце и вдруг закричал: «Суки!»